

Е. ГИТМАН

КАК СПАСТИ БУМАЖНОГО ДИНОЗАВРА

Е. Гитман
Как спасти
бумажного динозавра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69575191

SelfPub; 2023

Аннотация

А знаете, на самом деле, все счастливые семьи разные. Эта история, несомненно, про счастливую семью. Про те мелочи, из которых состоит человеческая жизнь. И про то, как спасением может оказаться всего лишь бумажный динозаврик.

Содержание

***	4
Марк. 1	7
***	34
Марк. 2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Е. Гитман

Как спасти бумажного динозавра

Мелкий восторженно улыбається, когда они выгоняют ба-
тину машину из-под навеса. Толкать приходится. Завести
мотор – весь дом подскочит, и тогда влетит обоим.

– Ну, куда ты? Оставайся, сам и поведёшь!

Мелкий только башкой мотает, перебираясь на пассажир-
ское сидение. Морщит нос:

– Лучше ты.

Он уже прилично водит, даже батя так говорит, но не лю-
бит. Говорит, ему нравится, когда машина едет без его уча-
стия. Приходится садиться самому, поворчав для вида.

Мелкий знает, что всё это ворчание яйца выеденного не
стоит, потому что старшему водить нравится до визга. Если
бы он, конечно, позволил себе визжать.

Автомобиль – он здоровенный, железный, горячий и по-
слушный. Сесть поудобнее, вырубить бормоталку-радио – и
гнать куда вздумается. А Мелкий пусть рядом сидит, пече-
нь трескает и болтает. Он не радио. Он не мешает.

Выбираться с узкой дороги перед домом приходится черепашьим ходом, километрах на пяти в час. Но дальше – отличная грунтовка, очищенная от снега. А если свернуть налево, из посёлка – будет бесконечно длинная асфальтированная дорога, всегда пустая, потому что ведёт к воинской части.

Мелкий приоткрывает окно, впуская в салон морозный хрустящий воздух и стайку снежинок. Смеётся, выуживает из-под куртки пакет с солёными крекерами, черпает сразу горсть, требует:

– Открывай пасть! – и отработанным движением ссыпает всю горсть в рот старшему.

А сам жуёт по одной штучке. Говорит – так больше солёное чувствуется, а не хлебное. Гурман хренов. Старшему и хлебное сойдёт.

Они разгоняются. Знак на въезде – «60», но едут сорок. В свете фар – сказочно-белое. Снег засыпал следы того, кто проезжал здесь до них. Можно подумать – и не было никого. Они одни. Их дорога.

– Наша дорога!

– Наша! – подхватывает младший.

Там есть крутой поворот, и перед ним надо технично скинуть скорость – и набрать, плавно выходя снова на ровную дорогу. Не гоночный трек, но, если так подумать – может, и покруче.

Чёрное на белом. Живое, подвижное, кидается наперерез.

И затормозить уже некогда, а нога предательски каменеет, и на тормоз её не сдвинуть. Руль вправо. Мелкий вскрикивает, тоненько, по-детски. В глазах – темно-темно.

Марк. 1

Марк считает, что нет ничего глупее свидания в ресторане. Сидите друг напротив друга, между вами – стол. Только заговорите о важном, как обязательно появится официант. Потом, каждый чёртов раз, споры о том, кто оплатит счёт. Сплошная неловкость. А женщина ещё и наряжается как на кинопробы, сидит, поправляет бретельку платья. Туфли неразношенные, трут, отвлекают.

Нет, решительно, ресторан убивает свидание, особенно первое.

Марк всегда предпочитал прогулки. Если тепло, можно устроить незапланированный пикник в Гринвиче или в Гайд-парке. Набрать еды в ближайшем «Теско», валяться на его, Марка, пиджаке, кормить наглых белок и ещё более охамевших лебедей.

Холодно – тоже отлично. Благо, в последнее время в Лондоне открылось достаточно маленьких симпатичных кофеен, где можно взять кофе или чай с собой, нести огромные стаканы, греться об них, прятаться под одним зонтом. Под огромным автомобильным зонтом-тростью, который Марк таскает несмотря на вес и размер. Ему четырежды доводилось рассказывать историю про этот зонт: один раз вышло сказочно, второй – скучно, остальные – криминально. Но всегда почти правдиво.

Марк знает Лондон как свои пять пальцев – облазил его с восторгом туриста, но при этом располагая временем как житель. Он в любом районе найдёт, что показать. И на любой вкус – от тёмных душных магазинчиков, где до сих пор продаётся настоящий антиквариат, а не барахло, до башен, с которых виден весь город.

И всё же, вот он, сидит в ресторане напротив восхитительной женщины. И благодарит всех богов, в основном скандинавских, за то, что она не из тех, кто носит платья или неудобные туфли.

Робин в синем брючном костюме, она выглядит как человек, который только что покинул пресс-конференцию в министерстве экономического развития. И да – именно оттуда она и пришла, опоздав на встречу на сорок минут.

Она яркая брюнетка с огромными тёмными глазами. Волосы подстрижены в каре до плеч, а плечи кажутся слишком широкими из-за покроя пиджака. Она курит через мундштук, но почему-то это не кажется нарочитым. Ей идёт.

– Держу пари, – произносит она, улыбаясь и выдыхая облачко дыма, – до сих пор женщины не звали тебя на свидания. Я первая!

– Должен тебя расстроить, – серьёзно отвечает Марк, опираясь локтем о белоснежную накрахмаленную скатерть, – вторая.

– Ты шутишь!

– Смертельно серьёзен.

– Кто она? Я желаю знать подробности!

– О, – Марк мечтательно закатывает глаза и вздыхает, – я был влюблён безумно, но стеснялся подойти. Думал – где она со своими белыми кудрями, а где я. Страдал в тени. А она взяла – и позвала меня в кино. Я согласился. Через три месяца она мне изменила. Нам было по одиннадцать, кажется.

Он смеётся, а Робин, которая слушала по-настоящему напряжённо, швыряет ему в лицо льняную салфетку. Но смех подхватывает.

Кто-то сомневается, что официант появляется в самый неподходящий момент?

Еду в ресторанах Марк тоже не любит. Еды должно быть много, и она должна быть вкусной, а не вычурно-красивой. Но всё же он расправляется с выбранным блюдом и десертом. Робин ковыряется в мороженом. Они болтают о работе в основном – дурацкая такая безопасная тема. Марк мнётся. Ему нравится Робин. В ней жизни – на десятерых. Он бы влез ей в голову, в душу, чтобы понять – каково там, внутри. Он бы её целовал, наверное, вечность.

И не о работе хочется говорить. Но она слишком заинтересована, поэтому он произносит:

– Моя виза истекает через два месяца.

– Да? – как-то невнятно переспрашивает Робин.

– И контракт тоже. Я долго думал, решил, что продлевать его не буду. Наша редакция – великолепная школа, я обожаю свою работу, но это не навсегда. Я собираюсь вернуться до-

мой.

– Чем плохо на ВВС?

– Всем хорошо. Только, знаешь, – он пожимает плечами, – я не люблю ваши сословные игры. Не хочу прикидывать, какое поколение моей семьи сможет получить классное образование. И с кем именно мне, выскочке и чужаку, дозволено играть в поло.

– Словно у вас иначе.

– У нас я свой.

– Зачем ты вообще мне об этом говоришь? – Робин кричит губы. – Что мне до этого?

– Ничего. Просто хочу, чтобы ты знала. Я уеду через два месяца. Но... – он кладёт руки на стол, ладонями вверх, – у нас есть два месяца.

Он почти любит Робин за то, что она не отвечает сразу, не кидается колкостями, а просто думает, водит пальцем с коротким ненакрашенным ногтем по контуру губ. Наконец, замечает:

– Визы, паспорта... Ремарковщина какая-то. Может, мне и не нужно целых два месяца. Может, мне раньше надоест...

– И ты станешь второй женщиной, которая сначала позвала меня на свидание, а потом бросила. Ради всего святого, только пусть он будет не рыжим!

Она хохочет, запрокинув голову, а потом они десять минут спорят из-за счёта. Марк выхватывает его из рук официанта и прячет за спину как мальчишка. Робин ругается со

вкусом. Зато берёт Марк за руку, когда они выходят на улицу.

– Подвезти тебя? – спрашивает Робин.

Да, она достаточно безумна, чтобы ездить на машине по городским пробкам. И, они оба это знают, достаточно безрассудна, чтобы пригласить его в гости. Заманчиво, не то слово. Но Марк отказывается, вместе с тем обнимая Робин за плечи.

Она почти с него ростом, они смотрят друг другу в глаза. Этот взгляд – ценнее всего, что было за вечер. Там, в глазах, всё то, чего нельзя увидеть на расстоянии. Там Робин хрупкая, как стеклянная статуэтка, полая внутри, работа сумасшедшего стеклодува-виртуоза.

Ей, той Робин, страшно, одиноко и пусто.

Марк касается кончиками пальцев её стеклянных щёк, совсем невесомо гладит, и от его прикосновений стекло нагревается.

Линия под подбородком – чувствительная до дрожи, до мурашек. Марк касается губами горла, ловя движение гортани. Отстраняется и тихо спрашивает:

– Мы увидимся завтра?

Робин кивает, что не характерно для неё.

– После шести?

Ещё кивок.

– Никаких ресторанов, ладно?

Она слегка улыбается и снова молча соглашается. А он

думает, что поделится с ней секретом – даже если потом она его разболтает какому-нибудь рыжему.

Есть такие места, куда кого хочешь можно водить. В Гринвич, вот, например. В любой из парков Лондона, пожалуй. Кроме старой беседки в Ридженсе. Она – место другого сорта. Её нельзя найти на карте, только самостоятельно, ногами. Она – секрет для особенных людей.

У Марка таких секретов – десяток на весь Лондон. Со всем мало в сравнении с родным городом, но уж что есть. Он дорожит каждым из них не меньше, а может, и больше, чем навороченным «Макбуком». Точно больше. «Макбук» и новый купить можно, а каждое секретное место – это часть самого Марка. Они прорастают в нём, а он – в них.

Робин он везёт на такси к старой католической церкви на северо-западе. Церковь не считается памятником, она облупилась и местами осыпается, зато сторож пускает на колокольню, в отдельную башенку, с которой открывается удивительный вид. Лондон будто тонет в озере. Или всплывает из него, как город из легенд.

Пахнет влажным мшистым камнем, кричат вороны. Премерзко кричат, надо заметить, но совсем не жутко. Для жути ещё слишком светло.

На камне в углу нацарапано ножом: «Надо?»

Марк понятия не имеет, кто и зачем написал это слово, но

про себя отвечает: «Надо». Или: «Не стоит», – под настроение.

И – нет, он не настолько безнадёжный романтик, чтобы притащить Робин на колокольню, не прихватив с собой пледы и сумку еды.

– Ты чёртов романтик! – обвиняет его Робин, устраиваясь на шерстяном пледе с сэндвичем в руке.

– Надо? – спрашивает он на всякий случай.

Робин уже видела надпись. И очень важно, что она ответит. Это проверка посерьёзней разговора о религии и политике.

– Надо, – отзывается Робин без малейшей заминки.

– Я тоже так ответил сегодня.

Ещё тепло, но они всё равно укрываются вторым пледом. Голова Робин на плече тяжёлая, твёрдая, кость и плоть. Но Марк всё равно чувствует стекло, когда гладит блестящие чёрные волосы.

– Чушь это всё, – говорит Робин, поднимая голову и встряхивая волосами. – Про поло и прочее... Связи всё решают, а ты у нас – восходящая звезда политической журналистики. У тебя со связями проблем точно не возникнет. Пройдёт лет десять, все и забудут, что ты иностранец.

– Разве?

Робин отводит взгляд, потому что Марк прав. И они оба это знают.

– Да и не стану я в это играть, обрезать фамилию на ан-

глийский манер, притворяясь, что я весь из себя такой местный и свой в определённых кругах, – он нарочно имитирует аристократический акцент, причём грубо, пародийно.

– Откуда ты такой только взялся?! – возмущается Робин, но ей смешно. – Нет! Не вздумай отвечать, или я тебя задушу!

Марк берёт её руку и кладёт себе на шею, а потом, перехватив за запястье удобнее, поворачивает и целует в ладонь. Ощущая подрагивание в ответ, поднимается выше к запястью, но от него сворачивает на большой палец. Подушечка слишком грубая, но чуть сбоку, у ногтя – чувствительная полоска.

Робин выдёргивает руку из его пальцев и тянется к губам. Жадность в её натуре, что отнюдь не плохо, просто факт. Робин никогда не будет довольствоваться частью – ей нужно всё, причём сразу. Не желаете давать – она придёт и возьмёт, потому что имеет на это право.

– Я пытаюсь понять, – говорит она задумчиво, отрываясь от поцелуя, – ты либо действительно ископаемый романтик, либо циник какого-то особого порядка. Либо сумасшедший.

– А без ярлычка на лбу нельзя?

– Почему церковь, Марк? И какого чёрта ты вчера отправил меня домой одну, а сегодня устраиваешь пикник на высоте тридцати футов?

Он пересаживается так, чтобы смотреть ей в глаза, ловить в зрачках отсвет заката.

– Я люблю эту церковь, потому что она никому не нужна. Про неё забыли. Когда я поднялся сюда впервые, тут всё было завалено листвой, птичьими перьями.

Сейчас пол чистый, слегка припорошён пылью.

– Она немного моя, понимаешь? А теперь и твоя.

Робин молчит. Её рот чуть приоткрыт, она дышит тяжело, неровно.

– А вчера это было бы глупостью, и всё. После ресторана. Отдаёт ситкомом. К тому же...

Он замолкает, но не потому что потерялся в словах, а потому что сомневается, что их стоит произносить.

– К тому же? – настаивает Робин.

– Я вчера ещё не отдал тебе церковь.

– Ты мне её и не отдал!

– Отдал. Ты можешь сюда прийти, в любое время, когда пожелаешь. Без меня.

– Почему без церкви нельзя? – она спрашивает, наклонив голову набок и улыбаясь.

– Я не люблю секс, когда он... про то, как друг о друга трутся два тела. Это скучно, не имеет никакого смысла.

– Ископаемое, – вздыхает Робин и снова тянется вперёд, осторожно дотрагиваясь своими губами до его.

В этот раз она пробует и изучает. Требуется покорности и неподвижности, задаёт молчаливые вопросы и получает на них значимые ответы. Марк понимает, он готов отвечать. У каждого свои проверки.

Марку двадцать семь, и звездой политической журналистики его Робин назвала не из лести. BBC продлила бы его контракт с удовольствием – а ведь у них не то, чтобы кадровый голод.

Марк худощавый, невысокий и гибкий. Он не сбивает предметы на ходу, протискивается в любую щель и великолепно катается на коньках. Собственно – на всём, что требует баланса. Ролики, скейт – пожалуйста.

У него каштановые волосы, которые он отпускает чуть ниже ушей, длинный подбородок и прямой нос, голубые глаза. Он носит бледно-розовые рубашки, потому что они ему идут, и тёплые серые кардиганы – потому что в офисе холодрыга в любое время года.

И всё же, как на его взгляд, этих достоинств маловато, чтобы по-настоящему зацепить Робин. Она и сама – звезда в профессии. У неё родословная от времён Болингброка и настоящий фамильный замок. Утверждает, что без привидений, но Марк ей не верит. Привидения водятся даже в некоторых квартирах, что уж говорить о замке.

В общем, Марк уверен, что она, и правда, бросит его через пару недель, наигравшись. И он на это почти надеется, потому что в противном случае рискует влюбиться. Куда там – хуже. В Робин нельзя просто влюбиться – в ней можно только утонуть, она будет обволакивать, проникать в каждую по-

ру, в каждый изгиб тела или мысли.

А Робин не устаёт.

Она работает вне штата, поэтому появляется в офисе или в студии, когда ей надо, и исчезает, когда пожелает. Она пишет разгромную статью, в которой расписывает негативные экономические последствия вторжения в Ирак и утверждает, что это пора заканчивать. Она в целом за Брауна, считает его сильным экономистом, но уверена, что британской армии в Ираке делать нечего, а подданным пора перестать финансировать убийства из своих налогов. Она называет статью: «Скинулись на войну по-быстрому», – и её печатают в «Гардиане», а потом перепечатывают в «Таймс».

Марк тратит два часа, чтобы объяснить, почему сейчас выводить войска неразумно, но в итоге Робин посылает его по далёкому адресу, подкрепляя жестом указание, куда он должен пойти. Робин не приемлет полутонов и ненавидит политику, хотя и отлично в ней разбирается. Её мнение: «Экономика честнее, цифры не врут, в отличие от этих рож в телевизорах».

Но когда работа её не занимает, Робин обращает на Марка всё внимание. Она впихивает ему ключ от своего пафосного таунхауса в Ислингтоне. И поясняет с каким-то неожиданным смущением: «Двоюродный дед завещал...». словно ей внезапно стало неловко жить в старом доме викторианской эпохи.

Её квартира – типично-английский хламовник, и Марка

она приводит в восторг. Он как раз способен оценить эти разномастные чашки, которым больше ста лет, но которые спокойно стоят в сушилке над раковиной. И кривоногое громадное кресло, кое-где поеденное молью. И бесконечную библиотеку. И памятный чемодан пра-пра-пра-кого-то, пахнущий нафталином, сухой кожей и историей.

Робин утверждает, что у неё бардак, но в этом заявлении есть доля кокетства. Она любит свой дом – просто сомневается, что другие способны такую любовь понять.

Марк объявляет огромную фарфоровую кружку с покрытым глазурью оленем своей и пьёт из неё холодный сладкий чай. Литрами.

Он понятия не имеет, каким образом Робин оказывается в его съемной крошечной квартирке на севере. Но, зайдя внутрь, она ведёт себя по-кошачьи. Сначала скромничает, боится лишний раз тронуть вешалку для одежды или обувницу, а потом, внезапно осмелев, разваливается на кровати.

С этого момента секретов и тайников от неё быть не может – она суёт нос в каждый угол, разглядывает Маркову коллекцию крошечных лягушек на рабочем столе, находит в шкафу смешной жёлтый пиджак и требует:

– Померяй!

Марк отказывается, но, конечно, уступает напору Робин, надевает пиджак прямо на голое тело. Робин хохочет и шлёпает его по заднице, но вдруг замирает, заглядывает в глаза, трётся носом о подбородок. Шепчет:

– Тебе идёт.

– Так и буду ходить, в зелёной шляпе и красном пиджаке.

– Почему красном?

Марк не поясняет, заменяя ответ поцелуем. Он не понимает, как выдирать из себя Робин, пустившую корни где-то в его внутренностях.

– Что тебя там ждёт? – бормочет Робин, пряча лицо в отвороте дурацкого пиджака. – Зачем тебе?..

– Родители. Дом.

Он знает, что звучит жалко. Он не хочет принимать того решения, которое ждёт от него Робин. Может. Но понимает, что будет жалеть о нём. Он любит Лондон, он здесь уже почти свой. Но «почти» это – уже не изменится. Как бы великолепно он ни владел английским, носители языка всё равно улавливают жестковатые нотки в акценте. И как бы безупречно он себя ни вёл, ему непременно ткнут в то, что он другой.

Он хочет домой.

И не представляет себе, как оставит Робин.

– Дурак ты, Марк.

Он согласен – дурак. Он купил билет на самолёт. И понежко прощается с местными друзьями-приятелями.

У Робин руки никогда не пахнут кремом или духами, только типографской краской – она любит листать газеты, свежие, прокатанные станком. Говорит, что не верит Интернету, утверждает, что это убийство настоящей журналисти-

ки. А если кто не согласен – так она готова заключить пари лет, скажем, на десять.

Марк на пари не соглашается, вместо этого целует её руки и ведёт гулять в Ридженс-парк. В ту самую секретную беседку. Чёрт знает, почему про неё забыли, но она выглядит так, словно садовник не подходил к ней многие годы. Плетистые розы одичали, газон потерял всякий стыд и растёт как сорная трава.

С собой у Марка бутылка вина, холодная курица и виноград. И бокалы, конечно, он же не варвар – пить испанское розовое из горла. Робин молчалива и задумчива.

– Ты можешь приехать на Рождество, – тихо произносит она, ставя бокал на трухлявую скамейку. – Увидишь поместье. Расскажешь мне про привидения.

– Расскажу. И покажу, – легко соглашается Марк. – А ещё могу слать тебе открытки в Фейсбуке каждое утро. И зарегистрируюсь в этом твоём Твиттере.

Под конец его ответа Робин уже возмущённо шипит, а Марк вдруг замолкает, привлекает её к себе, целует в беззащитный висок и шепчет:

– Прости меня. Хочешь, сыграем в эту игру на равных? – он отодвигается и предлагает, без шуток, совершенно искренне: – Поехали со мной.

Робин злится – в общем-то, он и рассчитывал на такую реакцию. На равных ей не хочется, ей неприятно, и Марк её не винит, но подчёркивает:

– Я серьёзно.

У Робин кривятся губы, в глазах мелькает что-то такое ломкое, болезненное. И она предпочитает поцелуй ответу.

Работа заканчивается. Редакция закатывает огромную вечеринку по случаю расставания, и Марка пытаются спить скотчем. Он обычно не позволяет таких экспериментов над собой, а тут расслабляется – да и надо же на прощание повеселить коллег.

Веселье в том, что напоить Марка пока удалось только одному человеку, и то – при помощи подлых приёмов. Алкоголь слегка поднимает настроение, окрашивает паб, в котором они устроились, в более мягкие сливочные тона, но не бьёт ни по мозгам, ни по ногам.

– Я говорил, надо было водку брать! – возмущается Тони, фотограф. – Литра полтора!

Марк, расстегнув воротничок и закатав манжеты, покачивает скотч в стакане, наблюдая за плачевными попытками главного питока редакции добраться до туалета. Бедолагу качает как неопытного матроса в шторм. Всё потому, что масса тела – это, конечно, важно, но правильный метаболизм – важней.

– Куда в тебя только влезает? – возмущается Робин.

Она тоже здесь, слегка навеселе, но ей идёт – в манерах появляется больше томности. Она добреет, расслабляется.

Тони пытается помочь ей прикурить, а Робин отбивается и вздыхает, что ещё неделя – и всё, вот так в пабе не поку-

ришь. Штрафовать начнут, как в Уэльсе. И вообще, отстой – этот ваш двадцать первый век. Он забирает из жизни всё самое красивое, что в ней было. Письма, газеты, кофе с сигаретой на веранде...

Она замолкает, не закончив списка, и Марк гладит её по плечу.

У него самолёт завтра вечером. И это уже не исправить.

Он ненавидит прощаться. Ни с людьми, ни с городами. Поэтому не идёт в какое-нибудь секретное место, а пьёт чай с молоком из картонного стаканчика на ступенях Собора святого Павла.

Не считая особых мест, это – лучшее в городе. Главное, чтобы собор оставался за спиной, нависал всей своей громадой.

Вокруг людно, как всегда – студенты, туристы. Киношники встречаются. Марк заливает, разглядывая влюблённую парочку. Совсем юные, им, может, лет по семнадцать. Мальчишка нарочито басит, а девочка натягивает платье на острые коленки. В них нет ничего особенного, но всё равно щемит в груди – столько наивной настоящей нежности.

Марк улыбается, переводит взгляд и ещё минут десять наблюдает за тем, как бабушка терпеливо водит за ручку крепкого любопытного малыша в матросском костюмчике. Каждый шаг – достижение. Малыш серьёзный, дует щёки.

Как-то внезапно представляется, что у него, Марка, тоже может быть ребёнок. И даже будет. Непременно.

У чая с молоком удивительно неприятный вкус в этот день. Не идёт, горчит.

Робин всё нет – у неё интервью, и она за рулём. Опоздает часа на полтора. Марк не возражает, ему нравится ожидание – больше, чем спешка. Он любит застывшее время.

Он будет скучать. Но сможет вернуться, и для этого не нужны никакие самолёты. Закрывать глаза – и он снова окажется на ступенях старого собора, в этом мгновении. Будет пахнуть поздней весной, магнолиями, крепким чаем и сухой пылью.

Вы знали, что в Лондоне осадков в год выпадает меньше, чем в Москве? Вот и стереотипы про дождливый город на Туманном Альбионе.

Робин появляется внезапно, от неё оглушительно пахнет цитрусовыми духами, и вся она – сплошные краски и акценты. Даже глаза покрасила в честь интервью – Марк отмечает ровные тонкие стрелки.

– Ты бы хоть куда-нибудь зашёл!

– Не хотелось. Я люблю сидеть здесь. Кажется, что через мои глаза протекают все эти жизни. Не важно.

Марк вскакивает с места и бережно целует Робин. Это ещё не последний поцелуй, но близко к тому – поэтому он горчит и ломит что-то в районе солнечного сплетения.

Робин тянет его обедать, потому что последний раз ела вчера, а сегодня весь день на кофеине. И вообще, ему тоже нельзя питаться святым духом. Особенно перед самолётом!

– Отвезу тебя в аэропорт сама, – объявляет она, морщась, пока Марк оплачивает счёт. – Дурацкие такси, ещё опоздаешь!

Лондонское такси – это не привычные Марку с детства бомбилы, которые дерут какие-то адские деньги за то, что делают пять кругов вокруг аэропорта. Лакированные чёрные кэбы полностью оправдывают бешеный ценник и довозят до места чётко, быстро, без лишних разговоров. В общем, у Робин нет никаких причин волноваться – но Марку приятна её забота, и он, конечно, соглашается.

Они вязнут в пробках и приезжают в Хитроу за два часа вместо запланированных трёх, Робин ругается на себя, на того придурка-лягушатника на красном Рено. Она становится удивительно предсказуемой, когда злится, и Марка это веселит. Он смеётся, потому что иначе начнёт совершенно жалко шмыгать носом.

Ему нужно уехать, пора уезжать, но расставаться с Робин больнее, чем с друзьями, городом и квартирой.

Робин ждёт, пока он сдаёт багаж и получает посадочный талон, а потом тянет в уголок, за колонну, обнимает изо всех сил, прячет лицо в сгибе шеи.

Её волосы под ладонью, её тело прижато так близко, что, если постараться, можно почувствовать биение сердца в рёберной клетке. Вдруг Робин отстраняется и начинает ржать, чуть ли не истерически. Из глаз брызжут слёзы, и подводка смазывается.

– Что?!

– Дурак, ты, Марк! Вот и всё.

– Дурак, – соглашается он послушно, а Робин всё хохочет.

– Совсем дурак. Не делай этого страдальческого лица, пожалуйста завтра встретишь меня из аэропорта.

– Что? – снова переспрашивает он, сбитый с толку. – Встретить тебя...

– Из аэропорта. Что тут неясного? – Робин пожимает плечами. – Решила на месяц съездить, посмотреть эту твою Москву. Вдруг понравится? Ох, видел бы ты себя сейчас!

Марк не видит, но представляет, насколько ошалело выглядит.

– Ты сумасшедшая, знаешь? Какой аэропорт, какой рейс?

Она отвечает, умудряясь перепутать примерно половину звуков в названии «Шереметьево», а потом круто меняет тему, словно про поездку ей больше говорить неинтересно. Всё решено, всё понятно – что тут обсуждать?

Нелепо, но теперь расстаться с Робин труднее. Словно от того, что новая встреча уже через два дня, разлука становится в разы болезненней. И разжать пальцы, отпустить руку – как отрезать.

Его лечит самолёт. Перелёт – состояние особое, ни с чем не сравнимое. Особенно если летишь один. Как медитация, растянутая на долгие часы. Марк никогда не читает в самолёте и очень редко спит. Глядя в иллюминатор, если сидит у окна, или на серую обивку сидения спереди, он нарочно пы-

тается не думать ни о чём. Не концентрируется. Не решает проблем, не пишет, даже мысленно, свежую статью, а позволяет себе просто быть.

Иногда одолевают мысли. Навязчивые диалоги, которых никогда не было, воспоминания, образы – нестрашно. Если принять их и пропустить через себя, они уйдут, оставив после себя пустое пространство очищенного сознания.

Нельзя выйти из самолёта тем же человеком, что и зашёл в него. Хоть на капельку, а поменяешься.

Марк совсем не думает про Робин или про Лондон. Его заполняет Москва, те люди, которых он встретит, те места, которые увидит. Ему тревожно, будто его могут не узнать, не принять и не понять. Будто может так оказаться, что он стал чужим там, откуда уехал.

Ему грубит женщина на паспортном контроле, и он, подмигнув, желает ей «ошеломительно-прекрасного дня». В целом, ему везёт, и он не нарываясь из-за этого на проблемы вроде теста на наркотики. Он бы его, конечно, прошёл, но нервы жалко.

Везение продолжается – багаж долетел до места назначения в целостности и сохранности, по крайней мере, внешне. И, вытащив огромный чемодан, Марк преисполняется оптимизма. Москва его хорошо встречает.

Русская речь бьёт по ушам, он отвык слышать её в таких количествах. И слегка подзабыл, что соотечественники не любят улыбаться попусту.

Всё равно, они ему нравятся – эти хмурые мужчины и женщины с приткими любопытными детьми, с разномастным багажом.

Ему надо поменять деньги и купить симку – старая заблокирована уже давно. Он едва не приходит в ужас, не сумев сразу найти российскую банковскую карту, но успокаивается – на месте. Просто не на том, но какая разница?

Волоча чемодан, он пытается сориентироваться в гигантском терминале, найти банкомат или обменник. Его одолевают таксисты, и он просто шутки ради отмахивается от них, бормоча: «Don't understand!» И да, ему весело, когда они пытаются перейти на английский. Отвратительная выходка, да, Марк в курсе.

– Эй, Мелкий, подбросить? – вдруг спрашивают его, и на плечо ложится тяжёлая рука.

Марк почти успевает её скинуть, а потом оборачивается, взвизгнув, отпускает чемодан и кидается на шею здоровенному, заросшему серой щетиной мужику.

– Володька!

Он обнимает его так, словно это его единственный шанс не упасть.

– Мелкий!

Да, Володя такое не любит. Но Марку можно. Он Мелкий, он «липучка-обнимучка», ему простительно. Володя озвучивает детское прозвище, ворчит и строго шевелит бровями, а Марк не может перестать улыбаться. И, разорвав объятия,

продолжает держать брата за рукав водолазки.

Если поставить их рядом, покажется, что разница в возрасте – все десять лет, а не два года. Володя суров как сибирские снега, у него глубокая складка между бровями, ужасная щетина, а светлые волосы подстрижены совсем коротко. Он большой, хмурый, и от него пахнет машиной.

– Как ты вообще меня нашёл в этой толкучке?

– Ты тут единственный придурок в розовом, – фыркает Володя и добавляет: – Батя сказал, когда ты прилетаешь. А эта толкучка, считай, мой дом родной. Ну, пошли. Дай сюда. Да забей, деньги, симки – всё в городе.

Он отбирает чемодан и шагает вперёд с уверенностью ле-докола на атомном ходу, остановить или задержать его не удастся, люди расступаются, чтоб не сшиб. Марку надо только следовать за ним.

Таксисты не подходят и близко. У Володи вид человека, который за неудачный вопрос даст в зубы. Совершенно обманчивый вид, разумеется, но весьма удобный.

У него новая машина – здоровенный мордатый белый Вольво, запаркованный на стоянке для сотрудников. В багажник, при желании, можно уложить три Марковых чемодана и самого Марка сверху – но Володя возится минут пять, раздвигая и перекладывая весь свой запас Очень Важных В Поездке Вещей.

Багажник каждой его машины – эдакая дамская сумочка, только побольше. Там можно найти палатку, одело, лоб-

зик, дрель, скатерть, консервы, зеркало, штопор и, возможно, библиотеку Ивана Грозного – но последнее неточно.

– Ну, куда?

– Ко мне, – неуверенно отвечает Марк. – Не знаю.

Володя вздыхает, качает головой и требует пристегнуться. Он может гонять как чёрт, устраивать на дороге форменный цирк, но, если кто-то в машине, не дай бог, не пристегнулся – уроет.

– Ко мне пока поедешь, – решает. – У тебя жрать нечего.

Марк послушно кивает и вдруг теряется – в мыслях, в словах. Они не виделись больше двух лет. А не разговаривали куда дольше. Всякие дежурные «с днём рождения, братишка» и прочие «как дела» не в счёт.

Они молчат – долго, минут десять. У Володи нет радио, он его не любит. И музыки нет. Ничего, что заполнило бы тишину. Увы, нельзя притвориться, что молчишь, чтобы не отвлекать водителя от дороги. Этого, пожалуй, отвлечёшь.

Марк должен заговорить, он знает. Это правило. Володя ведёт – он говорит. А у него язык к нёбу прилип, распух. Очень трудно, когда вы выросли.

– Короче, – вдруг начинает Володя, – там у бати с Ниной Сергеевной...

– Что?

– Это...

Володя не косноязычен, но тут будто не может подобрать слов.

– Короче... Развод, походу.

– Что?!

Марк едва не подскакивает на месте, новость шибает не хуже удара током.

– Что слышал. Они месяц уже вместе не живут. Я с батей говорил, он меня послал... работать, а не по ушам ему ездить.

– А мама?

– Обычная.

– Что им вздумалось... – Марк трясёт головой, морщится. – Бред какой-то. Они же... идеальные, нет?

– Я тоже думал, идеальные. Всегда думал.

Марку вдруг становится больно, не за себя и даже не за родителей, а за Володю. Так посмотреть – ему едва ли не тяжелее всех от этой новости.

– Батя снял однушку в Марьино. Я к себе позвал – ни в какую. Нина Сергеевна дома. Я заезжал, она наготовила как на восьмерых, с собой пыталась упихать два пакета. А у меня рейс был вечером, я от неё сразу в аэропорт. Не взял, в общем. А у неё слёзы.

Марк сжимает руки в кулаки, кусает нижнюю губу, надеясь таким образом подстегнуть мыслительный процесс. И решение приходит.

– Значит, так. Я поговорю с мамой, завтра же с утра к ней поеду. Разберусь, что там и как. А ты – с отцом. Что хочешь делай, хоть напои, но пусть расскажет свою версию. Потом

сядем и сравним показания.

Совсем незаметно, краями губ, но Володя улыбается, как будто облегчённо. Не как будто. Марк понимает: для него это – гора с плеч.

– Если отец начнёт ругаться, скажи, я инициатор, пусть мне голову откручивает, – добавляет Марк, посмеиваясь, и Володя улыбается уже по-настоящему.

Так было всегда. Володя – исполнитель, Марк – инициатор. И этому самому инициатору за его инициативы уши бы оборвать, ремня бы выдать в двукратном размере, голову открутить. Но у отца никогда не поднималась рука на младшего сына. А старшего наказывать не за что. Проверенная и на сто процентов рабочая схема.

У Володи новая квартира. Огромная двушка в Химках, в высотном, недавно построенном доме. Марк такие не любит. Ряды человекоников вселяют в него беспросветную тоску. Но у Володи приятно – ремонт свежий и простой, бежевые стены, ламинат. Ничего вычурного и броского. На диване в гостиной можно ползвода уложить, зато плита на кухне – одноконфорочная. Такая квадратная нелепая штука, которая справляется разве что с кипячением воды, а всё остальное либо сжигает в угли, либо оставляет полусырым.

Впрочем, Володя никогда и не слыл кулинаром. Но с голоду не умрёт – в холодильнике, предсказуемо, кастрюля вчерашней гречки, контейнер с варёной курицей и мешок помидоров. Судя по виду и цвету – каменно-пластиковых, без-

вкусных.

– Ну, в общем... – Володя ставит чемодан возле дивана и оглядывает комнату критическим взглядом, – хоть сегодня тут поспишь, а завтра к тебе поедем. Там пылища. Я так, слегка приглядывал.

Марк улыбается. Володино «слегка приглядывал» означает, что квартира сияет чистотой. Вероятно, так, как никогда не сияла при Марке. Он уборку не любит, а Володя – аккуратист и педант в этом плане. Весь в отца.

Они перекусывают тем, что есть – и Марк даёт мысленный зарок после встречи с мамой зайти в магазин и забить брату холодильник чем-то более съедобным.

Чай у Володи горький, из пакетиков. И нет ни сахара, ни молока – не держит. Кружки одинаковые, белые, полулитровые. Все, кроме Марковой – ему достаётся поменьше, с ручкой в форме крокодильей головы, зелёная.

– Я и не думал, что ты её сохранишь при переезде.

– Чего там, места не занимает. Ну, звоню бате?

Володя выпивает свой горький холодный чай в несколько огромных глотков и суёт кружку в раковину. Вытаскивает телефон.

– А я маме.

Они договариваются о встречах завтра на десять утра – синхронно. Пока ещё не совсем поздно, Володя заводит Марка в обменник и в новенький киоск «Евросеть» с кислотно-жёлтым интерьером. Теперь у Марка есть деньги и связь.

Он почти москвич, почти вернулся.

Не было аварии. На самом деле – не было.

Заяц кидается под колёса машине с двумя тупыми подростками, Володя виляет рулём, путает газ с тормозом – но удерживается на дороге. Заяц шарахается обратно в кусты, а они пролетают дальше, вперёд, полосую снег протекторами.

Мелкий хохочет как ненормальный и раз сорок повторяет, какой Володя крутой. Самому Володе тошно. Крутой, как же. Мелкого едва не угробил.

Они возвращают машину бесшумно, но батя всё равно догадывается.

Батя – не такой человек, чтобы орать или махать руками. Он снимает очки, закладывает руки за спину и интересуется спокойно:

– Покатались?

У бати глаза выцветшие, словно голубой размыли водой. Седеющие волосы и ровный низкий голос. За всю жизнь Володя ни разу не слышал, чтобы этот голос повышался хоть на тон.

– Да.

Володя не врёт ему никогда.

– Ты за рулём был?

– Я.

Был. Виноват. Готов принять наказание. Но Мелкий, ко-

нечно, не в силах смолчать.

– Пап, идея была моя. Согласись, инициатор заслуживает большего наказания, чем исполнитель. Инициатор – я. Володя пытался меня отговорить, просто...

Они все втроем знают, что кроется за этим «просто». Просто Володя отказать Мелкому не в состоянии.

И батя, уже не в первый раз, машет рукой. Отправляет обоих чистить снег с распоряжением: «От забора и до обеда». Тем дело и кончается. Так себе наказание – Володя бы его всё равно почистил.

Как ни странно, от Нины Сергеевны влетает сильнее. У неё против Марка иммунитет, и она отлично умеет повышать голос. Как Марку – неизвестно, а вот Володе стыдно чуть ли не до соплей.

Но аварии не было.

Марк. 2

Мама стала тише и меньше. И она не покрашена с утра. Марк обнимает её долго, гладит по тёмным волосам, в которых под краской виднеются седые корни, целует в мягкие щёки. Он удивлён и немного напуган переменами.

В квартире слишком просторно и гулко-пусто. Она кажется вымершей и будто затянутой паутиной. Дело не в чистоте, паутины не видно – Марк замечает её уголком глаза, расплывчатым боковым зрением, а рассмотреть не может.

– Володенька давно не заезжал. Переживаю я за него. Ему бы жениться надо.

– А за меня, значит, не переживаешь? – фыркает Марк, и мама смеётся – живо и искренне, почти как всегда.

– За тебя?! Мне заранее жалко эту несчастную, которая за тебя пойдёт!

– Ну, спасибо на добром слове!

Ему тоже весело, но не очень. Поэтому он просто предлагает:

– Расскажешь?

– Нечего рассказывать, Марик.

У мамы лучики морщинок в углах глаз и маленькая дырочка в домашней хлопковой кофте.

– И всё же.

– Нечего. Я в экспедицию поехала, на раскопки с группой.

Андрей потом на рыбалку. Я к подруге в Коломну. Он к дяде Толе на выходные. И вдруг встретились на кухне, я вернулась, он собирается выходить. Встретились – а сказать друг другу нечего.

Марк гладит маму по сухой тонкой руке и думает, как объяснить это Володе. Он не дурак, нет, страшно разумный парень, но тут другое.

– С папой виделся?

Он качает головой.

– Сразу к тебе.

– Дай угадаю... – мама не договаривает, но Марк сразу же подтверждает:

– Угадала.

– Не надо, мальчики. Всё хорошо.

– Было бы хорошо, ты бы снова в экспедицию поехала. Или по театрам бы бегала с тётёй Соней. Признавайся, была в театре?

Мама отворачивается, встаёт из-за стола и начинает очень сосредоточенно заваривать чайник. У неё дома, конечно, никаких чайных пакетиков не водится – хороший китайский листовый чай, зелёный. Такой ни с молоком, ни с сахаром не пьют.

– Не хочется мне в театр, – признаётся мама, сливая первую воду с заварки.

Лица не видно, но спина несчастная, выступают верхние позвонки. Марк встаёт, кладёт маме руки на плечи, целует

в висок и уточняет:

– Со мной тоже не хочется? Пошли вдвоём? Наших не позовём.

Он чувствует материнский смех ладонями. «Наши» – они по театрам не ходят, они там спят. Причём демонстративно, похрапывая. Их, и правда, лучше не звать.

– Большой не открылся?

– Только Новая сцена.

Мама слегка поворачивает голову, и Марку видна гримаса отвращения. Он разделяет эти чувства целиком и полностью. Есть вещи, которые заменять нельзя, выйдет грубый вульгарный суррогат. Вот Большой театр – это либо основная сцена, либо ничего.

– Всегда остаётся Новая опера, в конце концов, – замечает он обречённо.

– Тебе лучше не знать...

– Боже, куда я приехал?!

Они пьют крепкий чай из маленьких фарфоровых чашечек, полупрозрачных на свет, и обсуждают беды российского современного искусства. Решают, что спасение – в регионах, ещё не испорченных тлетворным столичным влиянием. Так что лето – это даже и неплохо, может, приедут гастролёры, которых нестыдно посмотреть.

Марк болтает почти бездумно. Он не то, чтобы настоящий фанат театра, но это тема, на которую он может говорить не затыкаясь. И он видит, что на маму беседа влияет хорошо,

будто размораживает.

– Ну, что, поедешь обмениваться секретными сведениями? – спрашивает мама, когда он собирается.

– Поеду готовить обед, ужин и три килограмма котлет.

Мама суетится, ругает себя за то, что не приготовила ему ничего с собой. Марк отмахивается. Ему-то что, ему несложно. А Володьку надо подкормить слегка.

– Девушка завтра приедет, – говорит он, шнуруя ботинки.

– Девушка?

– Угу.

– Марк?!

Он смотрит куда угодно, но не маме в лицо. Изучает собственные пальцы. Линолеум в коридоре. Обувницу. Бормочет:

– Ничего пока не знаю. Ничего. Она сумасшедшая.

– Как зовут?

– Робин.

– Умная?

Марк широко улыбается. Кто угодно другой спросил бы: «Красивая?» Но не мама.

– Пишет об экономике. Училась в Кембридже.

– Я не спрашивала, где она училась и о чём пишет.

На маме пушистые сиреневые тапочки. Их тоже можно разглядывать. Но, поборов смущение, Марк встаёт и смотрит маме в глаза. Там – и радость, и тревога.

– Есть такие люди... кажется, совершенно открытые,

громкие, категоричные. Смотришь и думаешь, что всё про них понятно. А узнаёшь ближе и оказывается, что ничего там непонятно. Вообще. А понять хочется. Вот Робин такая. Я вас познакомлю... если она не сбежит через неделю жизни в Москве.

Мама обнимает его, прижимает как-то судорожно, будто боится отпустить. Но разжимает руки, гладит по плечу и просит:

– За нас с Андреем не волнуйся, ладно?

– Ага, это всегда так работает. Попросили не волноваться – ты взял и перестал.

– У нас всё будет хорошо.

– И я моментально успокоился, точно.

Он по-прежнему понятия не имеет, что рассказывать брату. Поэтому, садясь к нему в машину, отмалчивается.

Володя хмурый – больше, чем обычно. И тоже не спешит делиться. Неужели считает, что Марк не поймёт?

– Дичь какая-то, короче, – сообщает Володя где-то на четверти пути.

Им ехать долго, чуть ли не через всю Москву.

– Вроде как говорить им не о чем. Типа детей вырастили, а больше ничего общего и не осталось.

Удивительно, что версии совпали.

– Мама рассказала примерно то же самое.

– Дичь, говорю же! – Володя трясёт головой. – Ну, ты сам прикинь. Я дома уже лет десять не живу, да?

– Считая академию – двенадцать.

– Вот. Ты, формально, восемь. А по сути, с этими твоими языковыми лагерями, те же двенадцать. На первом курсе ты домой разве что спать заползал. И что, они столько лет ни о чём не говорили? Бред же.

– Жили по привычке? Как там отец вообще?

– Так.

Володино «так» очень веское, многогранное. В нём куда больше смыслов, чем кажется на первый взгляд. Это значит, примерно: более или менее удовлетворительно, но отнюдь не хорошо. Очевидно, он не зарос грязью и не голодает, но не лучится бодростью и радостью.

– Им бы встретиться и поговорить, – продолжает Володя.

Марк ухмыляется.

– Чего?

– Повод есть. Кажется.

Он уверен, что Володя будет недоволен. Но на деле брат просто удивлён.

– Ну, даёшь. Прямо приедет? Тема. На дачу поедем, все, шашлыки пожарим. Англичаночке твоей будет русский колорит, а эти двое пообщаются на природе.

– Гениально, – не может не признать Марк.

– Я в эту субботу в рейсе. На следующие выходные можно.

И, не сговариваясь, больше они родителей не обсуждают. Марк, как и планировал, затевает большую готовку – хотя на кухне у Володи это занятие не из приятных. Володя честно

пытается помогать, но, увы, его безусловный предел – чистка картошки. Зато чистит он её великолепно, и даже не армейским кубическим методом. Напротив, усевшись над ведром, он срезает кожуру тончайшим слоем, по кругу – получается непрерывная спиралька. Марк точно знает, что это бесконечный процесс. В смысле, если случайно поставить перед Володи пятикилограммовый мешок, он почистит его весь, без единого вопроса. Восхитительное умение.

А ещё он эталонно моет посуду, включая самые омерзительные сковородки, к которым прижарилось всё, что можно. Опять же – молча, сосредоточенно и до блеска, без жалоб. В общем, Марк быстро вспоминает, почему же так круто готовить в компании брата.

– Да оставайся, – предлагает Володя. – Чего там...

Это его способ сказать, что он соскучился. Марк соскучился тоже, но понимает, что ему пора к себе. Важно именно сегодня провести ночь в Москве одному, вспомнить звуки и запахи своей квартиры. Ему это нужно перед встречей с Робин.

Он готов поймать такси, но Володя грозится оторвать уши и везёт его сам. Уже темно, поздно, пробки рассосались. Володя предпочитает ехать чуть дольше, но по полупустому МКАДу. Гонит строго разрешённую сотню.

Марк рассказывает о прощальной попойке с коллегами. Володя щурится. В конце концов, это именно ему однажды удалось напоить Марка до неменяемого состояния. Он зна-

ет, в чём подвох. Даже при том, что сам, зараза, не пьёт.

Конечно, Марк обнимает его на прощанье, игнорируя все протесты. А потом остаётся один.

Он живёт в однушке на верхнем этаже «хрущёвки». И он не променял бы эту квартиру ни на какие Володины просторы.

В подъезде пахнет сыростью и кошками, на втором и четвёртом этаже не работают лампочки, приходится подсвечивать лестницу фонариком в телефоне. И тащить чемодан, потому что сам отказался от помощи.

Дверь всё та же, металлическая. Ничего не скрипит, ключи поворачиваются в замке мягко, со щелчками. Только оказавшись в маленькой квадратной прихожей, задвинув щеколду, Марк по-настоящему понимает, что вернулся домой.

Темно.

Он поднимает руку и без труда попадает по выключателю. Механическое движение из прошлой жизни. Дома прохладно и всегда не-тихо. За стенами кто-то шевелится, смотрит телевизор, плачет и смеётся.

Володя отлично присматривал за квартирой. Чистота, с многочисленных книжных полок вытерта пыль. Даже томик сомнительного Пелевина, который, Марк помнит, валялся на прикроватном столике, стоит теперь на месте.

Кухня сияет. Володя умудрился отмыть духовку, с которой Марк перед отъездом мысленно прощался. Что-то вроде: «Проще выбросить, чем спасать». И кактус жив.

Это словно ритуал.

Посидеть за кухонным столом – круглым, деревянным, очень старым. Марк спас его со второй дачи после смерти деда, отдал на реставрацию и поставил к себе вместо новой «книжки». Нет ничего более отвратительного, чем столы-«книжки».

Потом надо полежать на кровати, глядя в потолок.

Постоять возле книжных полок, касаясь корешков кончиками пальцев. Он два года не читал на русском, не знает, с чего начать. Хочется всего, а выбрать сложно.

Останавливается на Булгакове, открывает томик, опирается одной рукой о полку – и осознаёт себя через двадцать минут где-то на трети «Записок юного врача».

Кидает книгу на подушку. Он вернётся к ней позже.

Наконец, он выходит на узкий остеклённый балкон. На нём не хранится хлама. Небольшое кресло, заботливо сложенный плед, маленький столик. Там, за окном, просто сквер. Дальше улица и парк. Ничего больше.

Деревья уже пышно-зелёные, не видно толком ни сквера, ни парка. Но Марку достаточно знать, что они там есть. Он садится в кресло, запрокидывает голову и закрывает глаза.

На самом деле, дома.

Робин прилетает в половине четвёртого. И до этого – целая вечность. В холодильнике пусто, даже молока для кофе нет, поэтому идея завтракать дома заранее обречена на провал. Немного подумав, Марк идёт к метро. Проезд подоро-

жал, кстати. А на карте – глобальные и не до конца понятные изменения. Там соседний Измайловский парк превратился в Партизанскую, Электrozаводская закрыта полностью, а на севере, кажется, появились новые станции и ветки.

Московское метро – очень приятное место, особенно после лондонского. Здесь всегда хватает воздуха, потолки не лежат на головах у пассажиров. Красиво. Вагон новый, просторный, светлый и практически пустой – утренний час пик давно закончился, все, кто хотел добраться до офисов, уже там. Марк прислоняется к двери, к которой прислоняться запрещено, и с любопытством разглядывает пассажиров. Рыженькая девушка с большим чемоданом пытается подавить улыбку. В отпуск? К любимому? К друзьям? Марк не знает, но ему приятно видеть чужую радость.

Девушка замечает его внимание, смущается. Марк отвечает улыбкой и переводит взгляд на двух женщин с пухлыми сумками из кожзама и в париках, призванных имитировать стильные пышные причёски. Женщинам заметно за шестьдесят, и этот возраст им идёт – позволяет свободно болтать о своём, хохотать, ворчать. Они точно хорошие подруги, и им предстоит очень приятный день в Москве.

На сидениях у задней стенки вагона сидит замученная мама и двое мальчишек-близнецов. Им года, наверное, по три, и это сущий ад. Они не капризничают и не хнычут, но пониже спины обоим вставили пропеллеры. Если они не пытаются убежать от матери, то лезут на сидение с ногами или

пробуют поручни на вкус.

До матери доходит, что надо было выйти ещё на прошлой станции. Наверное, они собираются в парк. Она подскакивает, хватая мальчишек за руки и тянет к дверям. Двери открываются, и семья перебегает на другую сторону.

Марк провожает их всех взглядом, пока может.

Он выходит на Курской, помогает рыжей девушке вытащить огромный чемодан и желает хорошей дороги. Отвлекается, теряет бдительность – и его тут же пытаются снести, чувствительно наступают на ногу. На автомате он бормочет: «Sorry!»

И смеётся сам над собой.

Незадолго до отъезда из Москвы он нашёл завтрак своей мечты. И, хотя живот уже подводит от голода, он хочет проверить, как поживает мечта.

На Земляном валу, возле Курской, две «Шоколадницы». Посмотришь – совершенно одинаковые, сеть-то одна. Но секрет в том, что вкусная только та, что со стороны метро. А в другой то кофе холодный, то официант нахамит, то заказ перепутают.

Так было два года назад.

Марк не хочет рисковать и узнавать, стала ли ситуация лучше. Он почти сворачивает в сторону вожделенного завтрака, но вдруг вспоминает ещё об одном месте.

Совсем рядом. Глупо не заглянуть, правда?

Вокруг вокзала та же сутолока, что и всегда. Кажется, да-

же попрошайки остались те же самые, Марк узнаёт лица и увечья. Пахнет людьми, сомнительного качества выпечкой и вокзалом. Такой особый запах, который ни с чем не спутать. Тёплый, пыльный, горьковатый.

Становится жарко.

Обойдя вокзал, Марк поднимается по узкой шаткой лестнице и распахивает неприметную грязно-коричневую дверь.

Внутри прохладно и темно.

У магазинчика крошечная вывеска, на она особо и не нужна. Всё равно сюда ходят только свои, а им и без вывески понятно, что к чему. Марк протискивается между полок, касаясь кончиками пальцев книжных корешков. Вспоминает, как однажды этот букинистический магазинчик испортил ему свидание. Девушка сказала, что обожает читать. И книги. Потом оказалось – только те, что в глянцевых новеньких обложках, а ещё лучше – блокнотики и закладочки.

Марку нужна одна книга. Не пять, не семь, не четыре коробки (он себя знает). Всего одна – почитать за завтраком и по дороге к Робин.

Совсем не хочется переводов. И это единственная причина, по которой он решительно поворачивается спиной к многотомнику Стейнбека в отличном состоянии – чёрные корешки манят. Он убеждает себя, что в любом случае не готов тащить столько в аэропорт.

В этом магазинчике можно остаться надолго, но Марку везёт – он натывается на разрозненные одиночные книги из

советских изданий и выцепляет оттуда бежево-коричневый седьмой том Пушкина. У Марка были все шестнадцать, вообще-то. Были – пока именно седьмой том с пьесами не позаимствовала очередная институтская любовь.

Любовь прошла, книжка не вернулась. И ему приятно теперь, спустя... сколько? шесть лет? снова держать её в руках.

У него есть «Маленькие трагедии», хороший кофе, который в Лондоне днём с огнём не сыщешь, и блинчики, политые лучшим в мире сливочным соусом. Он счастлив.

Но ему почему-то страшно думать о Робин.

Он пытается представить её в московских декорациях, и раз за разом терпит поражение. Как будто картинка не складывается, что-то лишнее, чего-то недостаёт. Возможно, не хватает её лица. Они расстались позавчера, но там словно был какой-то другой Марк. Этот Робин не знает, и знакомство его пугает.

Волнение нарастает, чем ближе он к аэропорту. Уже не хочется наблюдать за людьми, да и Пушкин не идёт. Мурашки пробегают по позвоночнику, а в животе неприятно крутит.

Аэропорт полон людей. Конечно, наступило лето, сезон отпусков. Через месяц вообще будет не протолкнуться.

Рейс Робин прибывает без опозданий, и волнение становится едва выносимым. Робин не писала, не звонила. Может, передумала? Он хочет и не хочет этого.

Ждёт вместе с другими – мужьями, жёнами, друзьями, родителями, детьми. Самый глупый из возможных страхов

подкрадывается внезапно: что, если он её не узнает? Нелепо, конечно, невысказано. И всё-таки он думает об этом несколько минут под объявления об отправлениях, прибытиях и задержках рейсов, доносящихся из-под потолка.

А потом видит Робин, и все сомнения и страхи разлетаются в труху. Робин с чемоданом, чёрным и довольно вместительным. Ради поездки она изменила любимым костюмам, на ней джинсы, свободная белая футболка и джинсовая же куртка. На ногах – белые кеды.

Она подходит, кладёт Марку одну руку на плечо, смотрит в глаза и быстро целует в губы. Тут же отстраняется и требует:

– Ну, покажи мне свою Москву.

У неё блестят глаза, она пахнет цитрусом и дорогой. Марк забирает тяжёлый чемодан и уже планирует звонить в такси, но Робин сообщает:

– Где-то здесь есть пункт аренды автомобилей. Меня там уже ждут.

– Ты собираешься водить в Москве?!

– Ну, не пешком же ходить...

Марк судорожно соображает, где дорожная ситуация хуже. Решает, что всё же Лондон поприятнее. Кроме того, Робин ведь привыкла к левостороннему движению...

– О, расслабься, я спокойно водила во Франции и в Штатах! – будто угадывает она его сомнения. – Ничто не может быть хуже Нью-Йорка.

Сценарий в голове Марка существенно отличался от реальности. Огромный аэропорт, толпы людей – всё это совершенно не сбивает Робин с толку. Она раньше Марка находит нужный офис аренды и подписывает необходимые документы, после чего забирает со стоянки безликую белую Шкоду прошлого года.

И только устроившись за рулём, она расслабляется и превращается в более мирную и домашнюю версию себя. Марк качает головой и делится наблюдениями. Робин морщит нос.

– Ненавижу оставаться без машины. Но, слушай, почему они так ужасно говорят по-английски? У тебя, конечно, есть лёгкий акцент, но у всех остальных...

Марк не может сдержать смеха и объясняет, что он сам – крайне редкое исключение. И своим английским обязан многочисленным языковым школам и крайне жёсткому институтскому курсу.

– Большинству людей английский просто не нужен. Не более, чем тебе китайский.

Её удивление откровенно умиляет. В картине мира Робин английский нужен каждому.

Она легко осваивается на дороге и сообщает, что они едут куда-то к центру.

– Я живу на улице, названия которой не в состоянии выговорить.

Хотя выговорить она не может, на карте находит легко, тыкает пальцем и требует быть навигатором. Марк мысленно

прикидывает маршрут, но где-то в глубине души смущён. В Лондоне они с Робин были, в общем-то, на равных: два журналиста из престижных изданий с хорошими зарплатами. В Москве сам выбор места проживания как бы проводит между ними разделительную черту. Ему бы, например, не пришло в голову искать пятизвёздочный отель в пешей доступности от Букингемского дворца. А Робин без колебаний селится между Большим театром и Кузнецким мостом. Оттуда до Красной площади – минут десять быстрым шагом.

Он спрашивает о перелёте – потому что это безопасно и отвлекает. Робин рассказывает. У неё образная речь, она подмечает множество забавных моментов. Закончив историю о дрожащем йоркширском терьере на соседнем кресле, она тут же переключается на Лондон и общих знакомых.

Передаёт привет от Тони и утверждает, что тот припёрся к ней в редакцию с огромным букетом цветов.

– Что ты сказала?

Робин поднимает одну бровь и уточняет:

– Ревнуешь?

– Переживаю за самооценку Тони.

– Он выжил, этого достаточно. Марк, почему ты не даришь мне цветы?

– А ты хочешь?

– Ни в коем случае!

Он разводит руками и смотрит в окно. В глубине души он рад, что Робин за рулём. Не придётся выгонять машину из

гаража и возить самому. Он предпочитает быть пассажиром.

Вечереет. Ещё светло, но спадает жара. Марк думает, что Робин захочет отдохнуть, но она, переодевшись, спрашивает о дальнейших планах.

Они выходят из роскошного отеля, и Марк на мгновение чувствует себя сбитым с толку. Он не успел поздороваться с Москвой, заново открыть те места, которые любил раньше. Робин хочет увидеть Кремль, Арбат и Парк Горького. Марк готов держать пари на крупную сумму, что накануне она ли-стала какой-нибудь путеводитель, откуда вытащила первые два объекта. Ну, а Парк Горького – за него спасибо «Скор-пам» с их «Ветром перемен».

На Москву сложно смотреть чужими глазами, но у Марка, пожалуй, получается. И здесь, в самом центре, она выглядит неприятно-просторной, слишком широкой.

Он не любит Красную площадь той особой нелюбовью, которую способны разделить только коренные москвичи (если есть коренные, существуют ли молочные? Те, кто приехал и осваивается?).

Он почти сразу утаскивает Робин прочь от зубчатых стен, от неудобной брусчатки и уродливого мавзолея – на узкую неприметную лесенку. Это самое интересное место здесь – уродливый проулок в самом что ни на есть туристическом центре. Проходишь по нему, заворачиваешь в грязный двор, где пивной магазин соседствует с цветочным, обходишь при-таившегося в углу бомжа – и выныриваешь на шумный Ни-

кольский.

Робин сбита с толку, оглядывается назад, в тёмный зёв прохода. Смотрит перед собой – на толпу туристов, на рязеных, на киоски с мороженым и броскую рекламу. Снова назад.

– Никаких объяснений у меня нет, – признаётся Марк. – Пошли, покажу фокус.

Он тянет её за собой, лавируя в толпе. Он мог бы, при желании, рассказать об истории каждого дома, который они проходят, но это кажется пошлой глупостью. А вот фокус, он точно знает, Робин заинтересует.

Ему нужен выход из Лубянки в здании на углу – громадная арка. В ней нет ничего примечательного. Вот только она не монолитная. По внутреннему краю проходит глубокая ложбинка. При желании туда можно было бы влезть целиком, но Марку нужно, чтобы Робин просто наклонилась пониже.

Он отходит к другой стороне арки, тоже склоняется в ложбинку и произносит:

– Привет!

Робин вздрагивает, оглядывается, видит Марка. Поднимает голову, изучая конструкцию, и вдруг широко улыбается. Говорит, тоже вглубь ложбинки:

– Это Шепчущая галерея?

– Точно!

Марк подозревает, что этот эффект получился у строи-

телей случайно. Но ложбинка в арке великолепно передаёт звук, даже шёпот. Можно стоять с двух сторон, на расстоянии больше, чем пяти метров друг от друга, и болтать. Так же работают арочные свободы в Соборе святого Павла в Лондоне.

В ГУМе вкусное мороженое в стаканчиках. Разноцветное. Марк всегда выбирает черничное, а Робин берёт с шоколадной крошкой. Она давно сняла куртку, потому что действительно тепло, даже слишком для первых чисел июня.

Арбат Марку не нравится. Больше нет. Десять лет назад он был совсем другим – да, грязнее, да, шумнее, но живее. Теперь он напоминает застывшее изваяние былой дикой свободы девяностых. И Марк до сих пор не может принять памятник Окуджаве – эта конструкция оскорбляет его в лучших чувствах.

Стена Цоя облупилась, но Марк всё равно её разглядывает, а потом, найдя то, что искал, показывает Робин:

– Вот, это я писал. А это Володя.

Девяносто четвёртый год, кажется. Они тогда часто гуляли вдвоём.

– Что здесь написано?

– Моё: «Цой жив». А Володино: «Нет».

– Кто это – Володя?

Марк осознаёт, что Робин действительно не знает. Он ни разу не говорил ей о брате. Обещает познакомить.

У Стены Цоя они сталкиваются с группой американцев

– две семейные пары, обвешанные сувениркой, с толстыми путеводителями в руках. Робин заговаривает с ними, и Марк тоже активно включается в беседу.

Почему-то ему проще от того, что рядом посторонние. Это словно переключение режимов, и тот, который предназначен для чужих, даётся куда легче. Американцы в Москве третий день, они уже были в Парке Горького и в Третьяковской галере. Им есть, чем поделиться, поэтому они все вместе устраиваются в псевдоирландском пабе. Он слишком просторный, светлый и чистый для оригинального, но отлично подходит для разговоров ни о чём.

Марк хочет отказаться, когда Робин уговаривает его подняться к ней в номер. Но сдаётся. И его отпускает, едва они закрывают дверь. Каким-то чудом он снова начинает чувствовать Робин. Из далёкой и непонятной она становится самой близкой. Он опять видит хрупкость в глубине её глаз.

И снова боится выпустить её из рук.

– Завтра... – шепчет Робин, устраивая голову у него на плече, – покажи мне другое. Покажи мне свою Москву.

Он обещает.

Его Москва – движение. Разговор ногами. Паломничество по родным местам и бесконечные открытия. Такую Москву нельзя увидеть из окна автомобиля или следуя дурацким маршрутам из путеводителя. Это лабиринт Замоскворечья и дворики Павелецкой. Это лужайки в парках. Вид на Москву-реку из родного Коломенского и, в конце концов, школь-

но-студенческое развлечение – упасть в «Букашку» и кататься по Садовому, продолжая говорить, говорить, говорить...

Такое за один день не покажешь. Но Марк пытается поделиться хоть кусочком.

У него есть ещё одно дело. Он собирается с духом и рассылает штук 50 эсэмэсок друзьям, коллегам, бывшим однокурсникам – всем, кто хотел бы знать о его возвращении. Почти однотипные тексты: «Привет, это Марк Чернов, запиши мой новый номер. Вернулся в Москву, буду рад созвониться или встретиться».

Потом почти сутки говорит по телефону. Ему рады, по нему скучали, его хотят увидеть – и он расписывает встречами весь июль. Даже те, с кем они переписывались в Скайпе или Фейсбуке, жаждут увидеться вживую.

Но есть встреча, которая заставляет нервничать.

Оставив Робин изучать богатства Пушкинского музея, он едет к отцу.

Дело не в том, что между ними какой-то конфликт – ни в коем случае. Марк любит папу, и это совершенно точно взаимно. Но последний раз они оставались надолго наедине, когда Марку не исполнилось и двенадцати. Он несколько подзабыл, что и как говорить.

Папа снял маленькую убитую квартиру. Во дворе грязно, в подъезде всё изрисовано маркерами. А за дверью – пустота. Такая же, как у Володи, одноконфорочная плитка, стол с табуретками, стиральная машина в ванной, старый диван

в комнате, рядом – стопка газет и журналов. Вот и весь интерьер.

Папа не изменился ни капли. У него военная выправка, строгие серо-голубые глаза за стёклами очков, подбородок выбрит до скрипа. Футболка и домашние штаны, несомненно, выглажены. А вот складки возле губ стали глубже. Марк понимает это, присмотревшись.

– Рад тебя видеть, сын.

В папином присутствии всегда хочется делать что-нибудь демонстративно-аккуратное или уж, наоборот, вопиюще-неряшливое. Марк ставит ботинки как по линейке и тщательно моет руки хозяйственным мылом.

Папа уже кипятит чайник и наливает чай. Они с Володей в этом совершенно одинаковые – сомнительного качества пакетики, никакого сахара или молока. Только Володя разбавляет холодной водой, а папа предпочитает кипяток.

Марк на самом деле чувствует себя неловко. Разговор, начавшийся с «как дела», затухает через две-три реплики, и как его возобновлять – непонятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.